

Зимняя встреча в летнем кинотеатре

Из одесских "Аркадийских рассказов"

"Кажется, за мной следят", — подумал Сечнев, когда поднялся по каменной лестнице на самый верх аркадийского берега. Здесь, возле обрыва, расположился летний кинотеатр. "Да ведь это же какие-то довоенные дела!.. Сталинский ампи́р в парке Чаир". За каменной стеной метров на двадцать вверх взметнулась раковина эстрады тридцатых годов...

Чувствуя на себе чей-то взгляд, он остановился у широких, когда-то торжественных ворот. Унылый их вид настраивал на печаль. "Наверняка тут был когда-то лозунг "Искусство принадлежит народу". И был. И осуществлялся. Ворота эти для того так широки, что народ сюда ломился за искусством. А сейчас... Мемориал Помпеи..."

— А я то думаю... кто это тут?..

Пожилая невысокая женщина в синем платке сошла с эстрады и остановилась возле штабеля досок. Смотрела васильковыми глазками, была худощава, в темном платье; а поверх — матерчатая венгерка-безрукавка, и был еще почему-то на ней черный сатиновый передник. Она подошла ближе, выжидала, молчала. А в мозгу Сечнева вдруг секундно вспыхнуло воображение: "Да ведь она пришла сюда не просто так! Не она ли когда-то скандировала из этой раковины: "Не быта узницы, а синеблзницы!"? Барабаны, горны... Не она ли пальчиками по аккордеону..." Одним словом, как это бывает у людей пишущих и ищущих темы, будущий рассказ одно-моментно возник в мозгу Сечнева. Его осенило рассказом. "Да! Приходит сюда эта женщина и вспоминает. И печаль светла. И время не властно..."

— А если тут кто ходит, то собаки могут порвать, — вдруг сказала женщина, сказала в пространство, не Сечневу, но краешком имея ввиду и его. Но отрезвить неопита прозы эти слова не могли. Он смотрел на женщину почти восторженно, ее появление все изменило, все перевернуло и так удачно соединило для будущего рассказа!

— И вы часто сюда приходите? — спросил Сечнев, так сказать, приступая к сбору материала для рассказа.

— Куда прихожу? — удивилась она.

— Да вот... сюда. Тут ведь летом кинотеатр, кажется.

— Летний, — ответила она. — Но... тут и сейчас можно документы про-

верить. Я, если без документов, и разговаривать нечего. Я и Лузину так сказала. И два милиционера тут. Вот сейчас должны прийти.

Сечнев не зал, что и отвечать. Кхм. В безлюдном уголке Аркадии женщина в переднике говорит о документах, о Лузине каком-то...

— Вы не простудитесь? — спросил он. — Холодно сегодня.

— А я сейчас к себе пойду.

Она махнула рукой в сторону, и Сечнев увидел, что покатаая спина-крыша раковины эстрады заканчивается двумя окнами и крыльцом с каменными ступеньками. Крашенная зеленым, кое-где утепленная дверь, вела в какие-то внутренние помещения.

— Да неужели вы здесь живете?

— Живу.

— Здесь? В этой раковине?

— У меня тут квартира.

"Ну и ну!" — удивился Сечнев и спросил осторожно:

— Вы и прописаны тут... на эстраде, в этой раковине?

— А как же. Если живу. Я тут сторожем. Спросите — Алевтину все знают. И прописана постоянно.

— Как же вы тут оказались?

— А я в эту раковину замуж вышла. Мы поженились — меня к мужу и прописали после войны.

Нда. Будущий рассказ приходилось корректировать на ходу. Значит, не молодежная эстрада, а послевоенная разруха... "Но ей так все это дорого, что она и поселилась тут..." Кхм. Но получалось, что и теперь, до сих пор она живет в такой же разрухе!.. Женщина смотрела на Сечнева подозрительно, и только он хотел навести справки о ее муже, как она завела свою непонятную волюнку:

— Я паспорта у всех спрашиваю. Вот к ухо-горлу как-то одна прибежала... Ночью. А что это начнется?

После наводящих вопросов Сечнев выяснил, что ухо-горло — это Лузин, врач-ларинголог из аркадийской поликлиники, водивший в раковину дам. Сечнев был разочарован. "Водевилей я не пишу", — констатировал он и вовсе помрачнел, когда выяснилось, что покойный муж этой привратницы эстрады воевал, попал в окружение, вышел из него без документов и загремел на всю катушку, то есть на десять лет, после которых был на поселении в Кемь, потом его реабилитировали, он приехал отогреваться в Одессу и устроился при летнем кинотеатре. Одним словом: "Э, какой уж тут рассказ, — сказал себе Александр Иванович Сечнев. — Какой рас-

сказ, если муж сторожихи-мечтательницы, бывшей горнистки, от звонка до звонка трубил в зоне из-за отсутствия документов, а эта Алевтина по этой же причине теперь имеет заскок".

Да, так счастливо наметившийся рассказ рухнул. А было жаль. Потому что внутренним оком Сечнев увидел и подходящую тему, и неординарность обстановки, почувствовал в ненаписанном рассказе редкое настроение. Да и намечалось в нем главное: писать по живому, не выдумывать, а идти за судьбой реального человека. Но, разумеется, не без фантазии и игры ума. В писании рассказов Сечнев старался придерживаться принципа, который предрек еще Лев Толстой: настанет время, когда писатели будут писать о том, что сами хорошо знают, сами пережили, не фантазируя. С последним постулатом Толстого Сечнев не соглашался. Фантазия — воздух творчества, считал он. Но рассказ о зимней встрече в летнем кинотеатре, по мнению Сечнева, был обречен из-за прошлого героев: бывший зэк и его жена. Реалий этого прошлого Сечнев не знал. Вникнуть в глубины их характеров вряд ли бы удалось. В конце концов он посчитал, что жизнь этой низкорослой худощавой Алевтины протекает бессмысленно и уроком человечеству никак послужить не может.

Прошло время. Где только не работал Сечнев! А как-то в начале лета ему пришлось побывать в Аркадии по заданию редактора газеты, где он сотрудничал внештатно. Надо было сделать репортаж. По методу акынов Сечнев, что видел, о том и писал в таких репортажах. А пока делал заметки в блокноте: "Засилье частных лавочек. Бочек с квасом нет. "Фанта", "Пепси". Инвалид продает брелоки с портретом Сталина. Возле американского автомата "Однорукий бандит" много школьников". Он зашел в пункт милиции возле памятной лестницы к летнему кинотеатру. Капитан коротко сообщил о правонарушениях и в заключение сказал:

— Тут в Аркадии и за геройские поступки есть кого отметить в газете.

Сечнев этим очень заинтересовался, и капитан сообщил, что вчера взяли николаевского гастролера-рецидивиста, который уж полгода как в розыске, а задержала его санитарка поликлиники Пляцко. Не просто задержала, а даже ранила — прострелила ему бедро, — и бандит не ушел. На пляже его и взяли.

— Как прострелила? — удивился Сечнев. — Она что же, с оружием на пляж пришла?

— А Пляцко местная. Живет тут на плато Гагарина, два.

Только-только Сечнев вознамерился задать массу вопросов, как сержант привел двух школьников, которые пытались американский играль-

ный автомат унести на Молдаванку. Пошло разбирательство, и Сечнев отправился на плато Гагарина, 2.

Створки ворот были приоткрыты, Сечнев вошел на территорию кинотеатра и увидел на скамье голого по пояс мужчину. Он оказался кино-механиком Мураховским, сидел и держался за перебинтованный бок. Сечнев предъявил удостоверение и попросил рассказать подробности об инциденте.

— Во подробности, — сказал мужчина и показал на свой бок.

Выяснилось, что вчера, после сеанса кинокартины "Калина красная" двое пырнули кино-механика пером и потребовали картину прокрутить снова. Алевтина Игнатовна Пляцко, сторожиха, все видела и начала стрелять.

— Да откуда же у нее пистолет?

— Подарочный. Тут госпиталь когда-то был. Она маршала выходила.

Сечнев был раздосадован, но в то же время и торжествовал. Досада была из-за того, что он так опрометчиво и давно отказался от сбора материала о жительнице летнего кинотеатра. Но торжествовал он потому, что зимнее внезапное озарение рассказом, оказывается, не было случайным, а, так сказать, в какой-то мере провидческим. "Да, теперь сама жизнь закрутила этот ненаписанный рассказений, — думал он. — А что? Санитарка, маршал... Она своей любовью и заботой ставит на ноги старого полководца, он готов для нее на все, но она верна своему мужу... кхм, зэку и сторожу, черт!".

— А где же она сама, Алевтина... Пляцко ее фамилия?

— Сидит у себя. Боится, — махнул рукой Мураховский. — Говорит, что больна. Протокол через окно подписывала. И у всех документы требует. Как ни уговаривали — не вышла.

В окне раковины Сечнев увидел саму Алевтину Игнатовну: маленькая головка с настороженными глазками; волосы уложены гладко. В руке вдруг сверкнул нож.

— Я... э, я зимой тут был как-то... А теперь узнал... — начал довольно коряво начинающий прозаик, а потом заявил: — Я корреспондент. Вот удостоверение.

— Теперь-то у всех документы, — ответила героиня, не проявив должного внимания к удостоверению. — У всех красные книжки, кого не спроси.

Руки у нее были мокрые. Она что-то бросила в кастрюльку на подоконнике. "Да она картошку чистит", — догадался Сечнев, вспомнил о Льве

Толстом и решил брать быка за рога:

— У вас, значит, подарочное оружие... от маршала. Мне сказали "Королек". Это что за тип оружия?

— "ТК" — Тульский Королев, — объявила Пляцко и исчезла из проема окна. Будущий Хэмингуэй ждал минут пять, потом стал окликать женщину: "Алевтина Игнатовна!", но она не появлялась.

— Ладно, — громко сказал будущий Фицджеральд. — Я завтра приду. Я вас сфотографирую. Карточка вам будет.

Алевтина появилась, ни слова не говоря, закрыла ставни окна и канула в темной утробе раковины. "А чтоб тебя, худяра ты дикая", — мысленно чертыхнулся будущий Чехонте.

Три дня он собирал сведения и приступил к делу. Рассказ писался легко. Он назвал его "Пистолет маршала" и положил на стол редактуру газеты.

Редактор тоже писал рассказы и был последовательным сторонником умозаключений Льва Толстого, а поэтому писал исключительно о своей личной жизни — уж что-что, а это он пережил сам, а, значит, хорошо знал. Редактор рассказ прочитал, подумал и сказал:

— Знаешь, старик, достоверности еще маловато. Поищи детали. Деталь — это же мать достоверности! Ищи эту мать.

Сечнев с этим согласился, но показал рассказ одесскому маститому прозаику.

— У вас, коллега, в рассказе есть длинноты, — сказал прозаик, и добавил непонятное: — Поэтому почаще вспоминайте, чьей сестрой является краткость.

Сечнев задумался, но потом до него дошло, что краткость приходится сестрой таланту. Значит, в его рассказе не хватало как матери, так и сестры. И он выкроил время, и отправился в Аркадию на поиски этих родственников.

Свою героиню он увидел не в летнем кинотеатре, а внизу, возле моря, в аркадийской аллее. Героиня будущего нравоучительного рассказа продавала помидоры. Он и подходить к ней не стал. Наблюдал из-за газетного киоска: в темном холщовом платье она сидела на перевернутом ведре, склонившись над помидорами, разложенными на кучки. Обута она была в новенькие синие детские сандалеты. Неподалеку, разложив афиши на скамье, женщина помоложе и покрупнее Алевтины продавала театральные билеты, и Сечнев с легкой душой ухватился за мысль о подмене: "Вот если бы Алевтина продавала билеты в театр!.. И не просто билеты, а биле-

ты на спектакль о маршале... Хороший поворот!" Но — помидоры... черт бы их побрал. Помидоры Сечнева смущали.

Он зашел в аркадийскую поликлинику и на втором этаже нашел кабинет ларинголога. От врача Лузина узнал он немало. До недавнего времени Алевтина работала в поликлинике санитаркой. Это годилось для рассказа. Но она еще прирабатывала банщицей в морских ваннах и у нее была левая клиентура. Это не годилось. После давнего бракосочетания со сторожем она на территории летнего кинотеатра завела огород с парником и продавала ранние овощи по спекулятивным ценам. На аркадийских склонах Алевтина собирала липовый цвет, плоды шиповника и сдавала их в аптеку, разумеется, не безвозмездно. Это хорошо характеризовало деятельную санитарку! Зимой в своей двухкоморной квартире на эстраде она отапливалась электроплитками — удовольствие дорогое. Но у нее был знакомый электромонтер, который показания счетчика откручивал, и отопление получалось бесплатным. Сечнев слушал ларинголога Лузина, тайком вздыхал и чуть не кричал от досады. Алевтина получала копеечную пенсию, а поэтому, кроме всего прочего, ловила черноморских бычков с причала и продавала их на Привозе, и подрабатывала на киносьемках статисткой. Сечнев узнал, что она не только живет в раковине эстрады, но еще и пускает квартирантов в соседние пустые каморки! Это... это уж как-то не совмещалось с одухотворенной героиней будущего произведения. Тем не менее, у нее были постоянные квартиранты — зимой милиционеры, и уже много лет к Алевтине приезжал в отпуск запойный летчик из Донецка и семья инвалида из Кременчуга.

Многое прояснилось в жизни и бурной деятельности бывшей санитарки, но что делать с рассказом — Сечнев ума не мог приложить. Сидел вечерами, черкал, вписывал, мучился, извелся сам и извел жену — преподавателя технологического; нервничал, осунулся, вскакивал по ночам и... в переделке рассказа пошел по пути давно известному: от жизни к художественному вымыслу. В его рассказе Алевтина безвозмездно сдавала дары природы в аптеки, и, конечно же, не сдавала углы на эстраде жильцам-горемыкам-милиционерам, а просто к ней заходили исключительно ветераны, и приезжал летчик из Донецка — депутат и мечтатель. Черноморские бычки, фокусы с электросчетчиком и помидоры рассказчик утаил от будущего читателя вовсе.

"Это не рассказ, — сказал маститый прозаик Сечневу, — это, мой друг, материал для нечто большего, эпического. А отчего бы вам не замахнуться на роман?"

Сечнев обещал подумать, но прежде чем приступить к роману, показал рассказ редактору. Тот очень бодро сказал:

— Это то, что нужно, старик. Можно печатать. Поздравляю. Ты здорово поработал.

Автор был счастлив и ловил ртом воздух от искреннего восхищения своим редактором, который спросил:

— Скажи, а эта твоя Пляцко — она жива или ты факт смерти не отразил?

— Жива! — удивился и немного даже возмущился автор. — Жива. В Аркадии живет. Факта смерти не было.

— Но тебе, можно сказать, сказочно повезло! У тебя прототип жив, а ты рассказ о нем пишешь! Это ни к чему.

— А-а... как же?... Что же писать?

— Да не пиши ты рассказ! Ты пиши, как есть! Как встретился, о чем говорили, что узнал, чему удивился, какая была погода и чем пахло. И больше ничего не надо! Если ты сможешь, у тебя получится не рассказ, а шедевр. Нет, не я буду твоим редактором, если ты не напишешь этот шедевр!

"И ведь это так просто! — убеждал редактор, — предельно просто: писать, как есть. И Лев Толстой завещал, старик! Напечатать и так можно, но уж лучше шедевр — осталось-то всего ничего".

И Сечнев ринулся в эту пучину.

Он приезжал в Аркадию, вынюхивал, выспрашивал, сопоставлял. "Чем Алевтина живет сейчас? Ведь должен быть какой-то смысл в ее теперешней жизни! У каждого есть стержень, за который он держится..."

Дома, в состоянии прострации, он пролеживал часами тахту, мысль его слабела, и даже подумалось: а не написать ли академику Лихачеву? Мысль об академике явилась не просто с потолка, а с экрана телевизора: академик выступал и отвечал на вопрос: может ли литература перевернуть мир? И Лихачев после некоторой запинки, некоторого смущения, все-таки ответил: да, может, может она перевернуть мир! А Сечнев вяло думал: чей все-таки мир она может перевернуть? Вряд ли это мог быть мир Алевтины, потому что зиждился он совсем не на академических началах.

Сечнев еще не знал, что для создания шедевров требуется не испорченный подлой жизнью небесный дар, божественные стечения обстоятельств и каторжный труд. Но когда он окончательно понял, что ни начать, ни закончить, ни вообще написать свой шедевр не сможет, начались

в обществе такие перемены, такие тихие революции с поножовщиной и стрельбой, что судьба забросила его на пять лет в Крым, где он открыл фирму и сражался с наездами местных мафий. И как-то по делам он приехал в Одессу, и под вечер велел шоферу ехать в Аркадию. То, что он увидел на месте летнего кинотеатра, потрясло его. Как будто сатанинским взрывом тут все было искорежено, смято, превращено в печальную свалку. Раковина эстрады рухнула, и оставалось лишь гадать: придавила ли она Алевтину, или та успела выскочить и спастись. "Время... — философски подумал несостоявшийся мастер прозы, — против него никто пойти не властен". Внизу, в Аркадии, дымили, чадили, извергали какофонию джаза и рока "Копакабаны", "Атлантиды", "Лабиринты" — рестораны и бары. "Что я могу? — думал он. — Купить эту землю? На черта? Да и она тут дороже золота..."

Он вдруг ощутил свою никчемность, да и вообще ненужность, необязательность своей жизни, и вдруг вспомнил, как золотым осенним днем с неярким прощальным солнцем возле раковины эстрады на дощатый именинный стол упала синяя скатерть с нашитыми на нее лоскутными кленовыми листьями. Глухо стукнула о доски плоская тарелка, из которой по краям свешивались и подрагивали, будто готовые взлететь, тонкие ломти брынзы. Помидоры Микадо с малиновым отливом, фаршированные яичным желтком и рыбой, казались на этом столе счастливыми игрушками из детского мира. Зернистая копна белого риса просвечивалась солнцем насквозь, нежно сияла, а в глубине ее темнели островки распятого чернослива. В гранях хрустальных стаканчиков на синей скатерти то вспыхивали, то прятались блески и звезды. Сказочный стол был накрыт во дворике возле раковины эстрады в честь именин! И алевтинины собаченции возлежали между ножек стола, а сама Алевтина Игнатовна стояла на крыльце и на вытянутых руках держала полутораметровое вафельное полотенце.

Тогда Сечнев впервые увидел ее в однотонном голубовато-выцветшем платье с рукавчиками по локоть. "Наверняка оно из какого-нибудь древнего креп-жоржета..." Когда-то Сечнев слышал о непреложном правиле: надо любить своих героев, любить тех, о ком ты пишешь. Правда, он не понимал: как можно полюбить, скажем, Сатану, если начать писать о нем? Но тогда не думалось о рассказе. Эта женщина-подросток просто нравилась ему, он заметил в ней какое-то необычное достоинство: она не суежилась, не подкладывала яства гостям, не играла роль хозяйки, а сидела на зачехленном конторском стуле очень прямо, точно по его спинке — и смо-

трела и слушала не умиротворенно, наслаждаясь, а очень просто и даже обыденно, как будто такие сказочные осенние субботы, когда листья дикого винограда над головой накалились до яркого багрянца и вот-вот вспыхнут, — такие вечера совсем для нее обыкновенные дела. И Сечнева только тогда осенило потайным смыслом жизни этой женщины, наконец он понял его, но совсем не удивился своему открытию, он обрадовался ему, как будто определил и свою жизненную основу: "Ну конечно! Она всю жизнь стремилась жить, как люди. И все время к этому были преграды! Голод, сельское рабство, неустроенность после бегства в город и свой угол в летнем кинотеатре с измученным этой злой жизнью мужем. Поэтому у нее свое, особое понимание вот этого: "чтоб было все, как у людей"... И это застолье, и неожиданный, полный достоинства облик хозяйки, и это тихое небо над столом — "все, как у людей, по-людски"...

Летчик из Донецка и киномеханик Мураховский затеяли сюрприз для хозяйки. Для этого они отправили ее в дальний конец летнего кинотеатра, сами суетились, бегали к воротам, разматывали и натягивали какой-то провод... Когда закончили, то отвели именинницу к воротам и предложили нажать на кнопку, которой раньше тут не было. Алевтина нажала — и в ее эстрадных покоях раздался переливчатый мелодичный звонок... И хозяйка, забыв обо всем, беспрестанно нажимала на кнопку звонка и смеялась.

Подарок

- Простите, графиня, что приехал к вам без подарка.
  - Ах, князь! Ваше пребывание у нас уже есть подарок!
- Сцена из оперетты

Ранним декабрьским утром Станислав Семенович, бреясь, торопливо прокручивал в уме предстоящий день: "Заскочить на фирму, посмотреть сценарий новогоднего утренника... Потом репетиция. Да, предложить Юлику новую мизансцену в дуэте с Люсей... После репетиции забрать из школы внука, пообедать, часок подремать... Или заняться крючками? О-о, надо же доделать блесну, совсем забыл!.. В четыре съемка рекламного ролика, в шесть — в театр! Попросить Эрика во втором акте играть "Молдаванку" помедленнее, вчера едва успевал... Да-а, силы уже не те..."

— "Но об этом никто не узнает", — пропел он, сложил бритву и, продолжая напевать, отправился завтракать. В кухне его ждала жена с тонометром. Он безропотно закатал рукав рубашки.

- Сто сорок на девяносто, — сказала жена, складывая прибор.
- Нормально.
- Для твоего возраста — да. Но особенно не скачи.
- У нас сегодня вокальная репетиция. Танцевальная — завтра.
- Я это учту. Завтракай.

Он уже заканчивал свою овсянку, когда раздался телефонный звонок.

— У меня зазвонил телефон! — Станислав Семенович поднялся, прошел в коридор. — Кто говорит? Слон! — снял трубку. — Алло!

— Хэллоу! — незнакомый голос звучал уверенно, с легким напором. — Мне нужен на пару слов Стас Семеныч!

- С кем имею честь?
- На проводе Берни Лодер из Сиднея.

Он любил родной город, одесситов чувствовал за версту.

— А как вас звали на Успенской?
— На Успенской? — голос на секунду растерянно смолк. — А, на Троицкой! На Троицкой меня звали Боря Лендарский!

- Лендарский? Это не те Лендарские, что жили в доме 10?
- Нет, мы жили в доме 15. Вы, что, за нас знаете?